

УДК 323.3-058.12:32.019.5(470+57) «185/189»

**«ЧЕРТ ДЕРИ ЭТУ БУМАГУ! ДВА ГОДА – КАК БЫ НЕ ТАК, СТАНУ Я ПОВИНОВАТЬСЯ!»:
МАНИФЕСТ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. В ВОСПРИЯТИИ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА
И БЫВШЕГО КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНСТВА (СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*****В.А. ШАПОВАЛОВ¹**
С.П. ШАПОВАЛОВА²*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*¹ e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru² e-mail: Shapovalova_S@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются настроения помещиков и крепостных крестьян накануне объявления Манифеста 19 февраля 1861 г., специфика восприятия данного документа поместным дворянством и крестьянством с учетом различных мнений и установок. Особое внимание уделено социально-психологическому аспекту указанного восприятия, причинам диалога помещиков и крестьян по принципу «свой – чужой».

Ключевые слова: помещик, дворянин, Манифест 1861 г., социальная психология.

Г.А. Джаншиев, касаясь вопроса отмены крепостного права, был не далек от истины, когда писал: «Не только в истории России, но и в летописях всемирной истории немало найдется дней, с которыми соединилось бы такое радостное, бодрящее и возвышающее душу настроение, как с незабвенным днем 5 марта 1861 г.»¹ В этот день в российских церквях обеих столиц был зачитан Манифест об освобождении от крепостной зависимости помещичьих крестьян. С этого момента вековая мечта крепостного населения России о воли сбылась. Для поместных дворян наступало новое время, когда привычный образ жизни, в рамках крепостнического традиционализма, уходил в прошлое. Восприятие данного документа двумя основными субъектами крепостных отношений – дворянством и крестьянством – должно было показать отношение значительной части населения к основным положениям реформы 19 февраля 1861 г. То есть, соответствие или несоответствие социальных ожиданий содержательной сути Манифеста об освобождении крепостных крестьян.

Для поместного дворянства социальная направленность предстоящей реформы, в большей её части, была известна, посредством работы его представителей в губернских дворянских комитетах по вопросам выработки принципов отмены крепостного права. Его, в первую очередь, интересовал характер восприятия крестьянами объявления воли, с оставлением всех прежних повинностей, до момента выхода на выкуп. Немалое беспокойство вызывало у поместных владельцев и возможная месть со стороны представителей бывшей «крещенной собственности», власть и контроль над которыми уже не могли иметь ничего общего с прежней вотчинной властью помещика. С.Н. Терпигорев (С. Атава) в своем знаменитом цикле очерков «Оскудение», в некоторой гипертратированной форме, показал смятение и страх у помещиков в преддверии объявления воли крепостным крестьянам. Страх был неслучаен, помещики осознавали, что причин для ненависти и мести у крестьян в их адрес было предостаточно. В частности, автор указывает: «Ошеломленные всеми этими слухами и рассказами, как громом с безоблачного неба, Иваны Петровичи и Петры Ивановичи решительно не знали, что им делать. Кое-какие грешки и счеты в прошлом, а главное перепуг перед неизвестным будущим, понятно, стянули все их мысли к заботе о спасении своих животов. Но и тут, в этой заботе, в том, что предпринималось с целью обезопасить себя, ясно видны были следы самого угнетенного состояния: покупались ружья, сабли, приносились из кладовых заржавленные дедовские и прадедовские шпаги, в которых в одни они щеголяли разные генерал-аншефы, и которыми теперь их внуки и собирались защищать свою жизнь от Сенек, Степок и т.д.

...И действительно, в ту пору перемерло с перепугу пропасть народу, большей ча-

*Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы», Государственный контракт № 16.740.11.0545 от 23.05.2011 г.

¹ Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: в 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 85.

стью совсем добродушного. Пишущий эти строки лишился в ту пору обоих своих дедов, покинувших этот свет чисто только с перепугу».²

В отдельных случаях помещики, зная за собой, как отмечал С.Н. Терпигорев «кое-какие грешки и счеты», превращали свои усадьбы в настоящие крепости. В Орловской губернии «...помещика Г. начали тревожить такие же страхи в виду предполагавшихся народных волнений ... Для безопасности своей и своей семьи он сочинил проект сооружения грандиозных укреплений, который и осуществил на практике руками тех же рабов, против которых они созидались. Он порешил всю свою усадьбу окружить двумя каменными стенами саженной высоты, а промежутки между стенами наполнить до верху землей и наверху развести сады... Проникнуть в усадьбу Г. можно было только одним путем – через двойные ворота громадной величины, которые день и ночь были на запоре, а над ними висел большой колокол. Всякий новоприбывший должен был звонить в этот колокол, об нем наводились справки в маленькое отверстие в воротах, потом следовал доклад хозяину, от которого получалось разрешение на пропуск, и только тогда растворялись ворота, и гость въезжал в усадьбу».³

Естественно, все вышесказанное не являлось в полной мере характерным для всего поместного дворянства, но отражало настроения помещиков накануне освобождения крепостных крестьян.

Крестьяне ловили и обсуждали каждый слух о предстоящей кардинальной перемене в своей судьбе, социальном статусе. Часть из них, вероятно, большая, оптимистически относилась к ожидаемым переменам. Для них воля и земля в собственности были неразрывными понятиями. При этом, конечно, и речи не могло быть о каких-либо видах барщины и оброка. Сильно было распространено в крестьянской среде мнение, что вся земля помещиков должна была перейти в руки тех, кто её обрабатывал. Часть же крестьян мирилась с представлением им полевых угодий или тех участков, которыми они пользовались до личного освобождения. Были и пессимисты, задумывавшиеся над тем, что предстоящая реформа готовится дворянами и, вряд ли, последние что-то предпримут во вред своим сословным интересам.⁴

В этой связи, современник отмечает: «Недаром задумывался всякий раз мужик, говоря о предстоящей воле, недаром заканчивал решительные надежды сомнением: «А Бог весть, что-то еще будет впереди, кабы не было хуже», – не доверчиво покачивая головою на уверения, что хуже быть не может».⁵

Объявление воли, с конкретизацией основных положений предстоящей реформы, должно было расставить точки над различными вопросами, которые не давали покоя не дворянам, не крестьянам. Тем временем, слухи принимали все более изощренные вариации: «С ярмарки, с базаров, с богомолий всегда крестьяне привозили новости о воле. Рассказы велись на все лады: как царь посылал волю в бочках с икрой, в ящиках просмоленных, но господа успеют пронюхать и выкрадут. Пробовал царь и через своих верных людей тайно переслать народу волю, но господа людей задерживали, обыскивали, отбирали волю, а людей морили в острогах»⁶. В крестьянском сознании помещик оставался главным препятствием на пути получения личной свободы и земли.

Все ожидали при обнародовании Манифеста об отмене крепостного права ясных и понятных ответов на давно обсуждаемые вопросы, касавшиеся данной темы. От характера восприятия, вернее, понимания и степени согласия с основными постулатами этого документа, зависели первые шаги в плане социального партнерства помещиков и их бывших крепостных крестьян.

Но обнародование в марте 1861г. указанного Манифеста вызвало разочарование в широких массах российской общественности и крестьянской среде. Основной тезис из

² Терпигорев С.Н. (Атава С.) Собрание сочинений в 6 т. Т.1. СПб., 1899. С. 10

³ Мочульский П.Н. Курьезы крепостного времени (Из записной книжки) // Исторический вестник. 1905. Т.100. С.162.

⁴ Игнатович И.И. II. Встреча на местах // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Кн. II. Т. IV (продолжение)-VI. М., 2012. С. 420.

⁵ Там же. С. 420-421.

⁶ Соловьев И.М. Манифест 19 февраля в народном сознании // Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М., 1911. С. 354.

Манифеста: «В силу означенных новых положений крепостные люди получают в свое время полные права свободных сельских обывателей. Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, представляют крестьянам, за установленные повинности, в постоянное пользование усадебную их оседлость, и сверх того, для обеспечения быта их и исполнения обязанностей их пред Правительством определенное в положениях количество полевой земли и других угодий.

Пользуясь сим поземельным наделом, крестьяне засим обязаны исполнить в пользу помещиков определенные в положениях повинности. В сем состоянии, которое есть переходное, крестьяне именуются временнообязанными.

Вместе с тем им дается право выкупать усадебную их оседлость, а с согласия помещиков они могут приобрести в собственность полевые земли и другие угодья, отведенные им в постоянное пользование. С таким приобретением в собственность определенного количества земли крестьяне освободятся от обязанностей к помещикам по выкупленной земле и вступят в решительное состояние свободных крестьян – собственников»⁷ не развеял сумятицу в головах тех, кто ждал от него что-то вразумительного.

Тезисы «получат в свое время полные права свободных сельских обывателей», «помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли...» указывали, что реальная свобода будет в необозримом будущем, а помещики продолжали оставаться собственниками всего фонда земель, включая и крестьянские наделы. Особый энтузиазм должны были вызвать слова: «Дворянство добровольно отказалось от права на личность крепостных...

Призвав Бога в помощь, мы решили дать сему делу исполнительное движение».⁸ Исходя из данного контекста, на местах были организованы официальные торжества.

Преобладающее же общее настроение того времени можно выразить словами Г.Д. Щербачева, очевидца данного события С.-Петербурга: «Когда кончилось чтение и все стали выходить из церкви, заметно было «на всех лицах какое-то недоумение».⁹

В провинции содержание Манифеста 19 февраля 1861 г. тоже не вызвало большого прилива радостных эмоций. Сельский конторщик из Владимирской губернии записал в своем дневнике: «Манифесту никто не обрадовался. От крестьян ни слова, ни звука радости. Народ понял одно: оставаться, дескать, два года крепостным, да и шабаш... Снова уныло повесил он голову и занялся мыслями об оброке... В церкви утром вчера (11 марта) читали манифест. Народ внимательно слушал и также остался не доволен. «Два года, значит, еще подвластны, а тогда и будет настоящая воля. Может – быть, околеешь до той поры!» говорил один мужик, выбираясь из церкви...».¹⁰ Объявление воли в крестьянской среде ожидалось как что-то само – собой разумеющееся, её открыто обсуждали два предыдущих года и мало кто сомневался, что она будет объявлена. Крестьян интересовали условия её предоставления. Поместное дворянство с надеждой ожидало, что их претензии на всю поместную земельную собственность и повинности крестьян за земельный надел, с учетом личной свободы, останутся в неприкосновенности. Подобное восприятие манифеста для правительства не было сюрпризом. Глава МВД П.А. Валуев, в своем дневнике за 5 марта 1862 г., записал: «Новая эра. Сегодня объявлен, в Петербурге и Москве, манифест об отмене крепостного состояния. Он не произвел сильного впечатления в народе и по содержанию своему даже не мог произвести этого впечатления. Воображение слышавших и читавших преимущественно остановилось на двухгодичном сроке, определенном для окончательного введения в действие уставных грамот и окончательного освобождения дворовых».¹¹

Самое сложное в деле разъяснения основных положений Манифеста и Положения 19 февраля 1861 г. должно было произойти в дворянских усадьбах, где помещику необходимо было доходчиво изложить крестьянам, что их ожидает завтра, послезавтра, через год, два и т.д., какие повинности и до какого момента должны их выполнять, как будет

⁷ Манифест 19 февраля 1861г. // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. КН. П. Т. IV (продолжение)-VI. С. 414-415.

⁸ Там же.

⁹ Цит. по: Джаншиев Г.А. Указ. соч. С.86-87.

¹⁰ Соловьев И.М. Указ. Соч. С.356.

¹¹ Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел: в 2 т. Т.1. 1861-1864. М., 1961. С. 80.

происходить выкуп крестьянского земельного надела. Все понимали, что это не обойдется без накала страстей, взрыва эмоций и возможно бунтов. Психологически для помещиков наступали «ссудные дни». Они осознавали, что их трактовка Манифеста и Положения 19 февраля 1861 г. не будет, мягко говоря, встреча позитивно. Крестьяне же, поняв из зачитанного в церквях Манифеста, что предоставляемая воля далеко не полная, земля не в собственности, не скрывали своего недовольства. Неприятие помещиками и их бывшими крестьянами точки зрения противоположной стороны на предстоящую реализацию реформы отмены крепостного права, как отмечают социальные психологи, имело природу восприятия по типу «свой – чужой». То есть, отнесенность к определенной сословной общности с её образцами поведения, этическими нормами, социальными претензиями и ожиданиями «как бы наклеивается ярлык, наносит своеобразную метку на индивиды, которого одна группа начинает распознавать и воспринимать как своего, а другая – как чужого».¹² Несовместимость социальных ожиданий было опосредована и спецификой сословной психологии, имевшей крепостническую традицию.

Сложность трактовки помещиками Манифеста и Положения 19 февраля 1861 г. обуславливалось еще и тем, что крестьяне сразу же после объявлении воли резко изменили отношение к своим господам, демонстрируя неприкрытую агрессивность. С.В. Ковалевская в автобиографической повести «Нигилистка» на примере юной барыни Веры Баранцовой хорошо иллюстрирует данную ситуацию:

«- Барышня, а барышня! Подь-ка сюда! Не бойся! – послышался пьяный голос кучера. – Что, господа наверху плачут, чай? Жаль им, что тиранить-то нас им больше не дадут?

- Неправда! Неправда! Вас никто не тиранил. Папа с мамой добрые!...

- Не тиранили! Как же! А дедушка-то ваш покойный мало на своем веку людей изувечил! Зачем он Андриюшку – столяра не в очередь в солдаты сдал? Зачем он девку Аринью на скотный двор сослал? – раздаются с разных сторон несколько голосов разом.

Гармоника смолкла. Вся дворня собралась кучкой, и посыпались рассказы страшные, возмутительные, какие и во сне не грезились Вере.

- Но ведь то был дедушка, а папа с мамой добрые!

Вера не кричит теперь; она говорит тихо, сквозь слезы, пристыженным голосом...

- Да, молодые господа ничего себе, добрые! – как бы нехотя соглашаются несколько человек.

- Это теперь наш барин присмирел, а как холостым был, и он таки порядком над нами, девками, надругался, – злобно замечает старая подпившая ключница...»¹³

Агрессивный настрой к помещикам со стороны крестьян не способствовал адекватному восприятию документов.

В контексте рассматриваемого вопроса весьма важны наблюдения настроений, царящих в дворянских поместьях накануне зачитывания Манифеста 19 февраля 1861 г., авторы воспоминаний показывают довольно сложную политру настроений, ожиданий, разочарований и страха у помещиков, членов их семей, управляющих. В частности, сельский священник А.И. Розанов, подписывавшийся псевдонимом «Сельский священник», будучи свидетелем толкования Манифеста в различных дворянских имениях Поволжья, отмечает: «Из села Б. мы поехали в большую слободу С., имения князя Г. Сам князь жил постоянно в Петербурге, а имением его управлял немец Кан...

До чтения Манифеста мы заехали к нему. Он был бледен, лицо осунулось, трясся как в лихорадке, бессмысленно метался во все стороны, останавливаясь на полуслове, несколько раз отзывал исправника и все что-то толковал с ним... Он подсмеивался и успокаивал его. К Кан...у, также, как и к И. И-ну Б. в селе С., собралось много военных – бутырцев. На огромной церковной площади собралось множество народу, а в стороне стояло сотни три солдат с ружьями. Исправник спросил одного из военных, что постарше: зачем тут собрали солдат и с ружьями?

- А вот извольте видеть: немец думает, что его вот-вот сейчас убьют, как только объявят волю. Чем свет прислал за мной и, чуть не плачет просит, чтобы я оцепил солдатами его дом».¹⁴

¹² Нартова-Бочавер С. Психология личности и межличностных отношений. М., 2001. С.285.

¹³ Ковалевская С.В. Воспоминания детства. Нигилистка. М., 1960. С.153-154.

¹⁴ Сельский священник. Записки сельского священника // Русская старина. 1880. Т. 27. С. 455-456.

Смоленский помещик Р.В. Пасевьев вспоминает свой разговор с тётёй об отмене крепостного права: «Ни «тётенька», ни сестра не имели никакого представления о том, что совершилось...

«Тётенька» отнеслась к сообщенной мною новости с большим волнением и с оттенком некоторого недоброжелательства.

«Давно об этом поговаривали, но никто не верил, что допустят до этого. А теперь вдруг сделали. Ничего хорошего от этого ждать нельзя. Какие же они «вольные»?... Теперь они Бог знает что о себе возмечтают... Какой-нибудь Лаврушка (повар) или Парашка (горничная «тётеньки») захотят на голову садиться своим природным господам; а с мужиками и подавно ничего не сообразишь... От таких ваших (непонятно, почему сказано было «ваших») новых порядков – из деревни, из жалованного, родового поместья – бежать надо... Пожалуйста, ты пока держи от них в секрете это».¹⁵

Среди определенной части помещиков и представителей вотчинной администрации само отношение к объявлению Манифеста 19 февраля 1861 г. вызывало панический страх, резкое неприятие данного акта, желание скрыть его от крестьян. Здесь примечательным является высказывание «тётеньки»: «Давно об этом поговаривали, но никто не верил, что допустят до этого». То есть, у части поместных дворян теплилась надежда, что отмена крепостного права дальше разговоров не продвинется. Обнародование же Манифеста 19 февраля 1861 г. все эти надежды развеело.

Что же больше всего пугало поместных дворян и бывших помещичьих крестьян в содержании и духе самого Манифеста? Английский исследователь Питер Готрелл справедливо заметил, в рассматриваемом контексте, в отношении помещиков: «С точки зрения помещика, требовалось, чтобы перевод крестьян из крепостных крестьян в свободные осуществлялся без ущерба для дохода их бывшего владельца и для производственного потенциала поместья. Помещик столкнулся с необходимостью восполнить потерю сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота, которые прежде предоставлял крестьянин, обрабатывающий помещичьи земли. Однако главной целью помещика являлось сохранение дохода».¹⁶ Для помещика сокращение доходов означало отказ от привычного образа жизни, устоявшейся годами повседневности, которая не предусматривала серьезных усилий для поддержания хозяйства на плаву. Манифест 19 февраля 1861 г. становился тем рубежом, с которого эта приятная, размеренная повседневность уходила в прошлое. Все стереотипы восприятия окружающей действительности принимали другие краски и оттенки.

Многие крестьяне, при собственной трактовки Манифеста, впали в серьезное заблуждение из-за того, что они сосредоточились на одной фразе из него и игнорировали другие положения. Типичным являлся случай в Сумском уезде, описанный харьковским губернатором: «...крестьяне на коленях просили мирового посредника и помещика оставить их до истечения двухлетнего срока на трехдневной барщине, обещая добросовестно выполнять все работы и выражая надежду, что по миновании этого срока они перейдут на «царское положение», т.е. выкуп. При совершенной покорности крестьян никакие убеждения и доводы не могли склонить их к принятию уставной грамоты».¹⁷ Это было проявлением укоренившегося мифа в крестьянской среде, где ожидалась «настоящая воля».

Соединить интересы и ожидания помещиков и крестьян в рамках положений Манифеста было фактически невозможно. Р.В. Пасевьев показывает, насколько сложно было ему давать объяснения по манифесту своим крестьянам: «Видя, что собрались все, я вышел на крыльцо, со словами: – здравствуйте, братцы! – и поклонился всем. Все сняли шапки и отдали мне поклон...

– Спасибо вам братцы... только вот что: собрал вас, чтобы объявить вам царскую грамоту... Царь вас вольными делает. Слушайте, я прочту вам манифест.

Я начал читать громко и внятно, наблюдая, какое действие произведут слова манифеста...

¹⁵ Пасевьев Р.В. Из эпохи уничтожения крепостного права // Исторический вестник. 1904. Т. 96. С. 809-810.

¹⁶ Готрелл П. Значение великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России 1856-1874 / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнела. М., 1992. С. 115.

¹⁷ Цит. по: Филд Д. 1861: «Год юбилея» // Великие реформы в России. 1856-1874. С. 79.

По мере того, как я продолжал чтение, это настроение расхолаживалось, сосредоточенное внимание ослабевало. Толпа стала шевелиться. Многие стали шептаться между собою и разговаривать, почесываться...

Чтение Манифеста окончилось. Более молодые из мужиков остались на своих местах, молчаливо и сосредоточенно уставив на меня свои взгляды – старики же продвинулись к крыльцу и, опираясь на свои посохи, начали говорить:

...Хорошие в ей (в ней) слова понаписаны... а все-таки, словно мы в толк не возьмем: как же оно так будет? Если вольные, – значит, нам с земли долой уходить надо – ты... а с кем же господа останутся? ...чем мы кормиться будем? ...»¹⁸ Далее помещик стал объяснять крестьянам, что их с земли не гонят, но за неё необходимо нести прежние повинности определенный срок, затем её выкупить. Такой ответ совершенно не устроил крестьян. Их настроение выразил кузнец Алексей:

«- А где нам на эту музыку денег взять?... У любого мужика – в одном кармане Сретение, в другом – Иван Постный... Нешть мужик может платить что... да еще за кровную свою полосу, которую и ен, и отцы, и деды пахали и сеяли? – нешто...

...мужики, все равно, вечно плательщики будут, барин... коли так, – так какая же воля будет? Бог с ней совсем...»¹⁹

Диалог строился по психологическому принципу «свой-чужой», когда каждая из сторон желала слушать то, что она заранее спроецировала для себя в сознании, внутренне убедила в собственной правоте. Помещик хотел при любой раскладке дел не уменьшить собственные доходы и оставить, пусть не в прежней, но в определенной зависимости крестьян. Тем более, в помещичьем сознании укоренилось: «... о не унизости рабского состояния и о не постыдности телесного наказания служит в русском народе идея религиозная, выражающаяся в поговорках народных: «Господь велел рабам служить верно господам своим» или: «Господь терпел и нам велел». Поговорки они основаны на притчах Господних о рабах и талантах и на страстях Христовых; русский человек не может допустить, чтобы наказание, понесенное Спасителем, могло быть оскорбительно для человека. Из всех приведенных доказательств можно убедиться, что крепостное состояние не оскорбляет русского человека и что в нравственном смысле оно в России не так унижительно, как кажется иностранцам или людям с иностранными понятиями».²⁰

Отношение к бывшим крепостным крестьянам сразу же после объявления Манифеста 19 февраля 1861 г. не могло кардинально измениться. Помещики продолжали рассматривать крестьян в качестве низшей, обслуживающей касты. В отдельных случаях помещики просто не могли смириться с новым социальным статусом бывших крепостных крестьян А.И. Розанов приводит подобный пример: «Как только отошли крестьяне на волю, то один из помещиков моей родины. К. – «не хочу и дела никакого иметь с поддечами, – говорит – глаза мои не могут смотреть на них и тот час продал всю землю по 10-ти р. за десятину с рассрочкою на 10 лет, и уехал в С.»²¹ Но были и другие примеры противоположного плана, хотя и весьма редкие. Тот же автор отмечает: «Я не сказал, какое влияние произвел манифест на крестьян села О., имения А.А. С.-С. имел крестьян несколько тысяч; крестьян работами не обременял и они жили очень справно, были даже очень богатые; пользовались вдоволь и землей и лесом. Манифест произвел на них скорее неприятное чувство, чем радость. За богатым, сильным и добрым барином своим они согласны были прожить весь век. Поэтому они слушали и манифест и разъяснения исправника совершенно хладнокровно, просто – почти безучастно. Ни один из них ни полусловом не выразил ни того, что они желают воли, и ни того, что не желают. Просто – пришли, выслушали и разошлись».²²

Диалог между помещиками и крестьянами не всегда мог состояться. Последние не особо верили первым, которые трактовали им отдельные места Манифеста и Положения 19 февраля 1861 г. У крестьян уже сложились собственные представления, установки на то, как должно было быть отменено крепостное право. Их установки и определяли поведение.

¹⁸ Пасевьев Р.В. Указ. соч. С. 812.

¹⁹ Там же. С. 813

²⁰ W. Князь В.А. Черкасский об освобождении крестьян // Русская мысль. 1886. Кн. IX. С. 50.

²¹ Сельский священник. Записки сельского священника. С. 489-490.

²² Там же. С. 480.

Социальные психологи давно пришли к заключению, что установки и поведение взаимно подпитывают друг друга.²³ То есть, недоверие крестьян к помещикам было психологически обусловлено. Современник отмечал эту особенность поведения крестьян: «Каждый параграф «положения» крестьяне хотели перетолковать в свою пользу; к помещикам за объяснением непонятных статей обращаться опасались в убеждении, что те истолкуют их в свою пользу. На сходках помещику не было возможности в чем-либо сойтись с крестьянами, потому что они во всем думали видеть какой-нибудь тайный умысел или обман. Целыми толпами ходили они к своим «умникам» за разрешением разных вопросов наиболее их интересовавших. В «положении» они желали видеть только льготы, и им неприятно было встретить что-нибудь стеснявшее их новую жизнь: таким параграфам даже не хотели и верить. Им чудилось, что права помещика теперь обрезаны со всех сторон».²⁴

На первый взгляд крестьяне должны были найти общий язык с добрым помещиком по вопросам своего пореформенного переустройства. До объявления воли в имениях с такими помещиками не было серьезного антагонизма. Своего помещика они возносили до небес, «...выражаясь по обыкновению: «Вы наш отец, а мы ваши дети, только вами и живем» и т.п.».²⁵ Но когда был зачитан Манифест об освобождении крепостных крестьян и наступило время обсудить вопрос о возможности, условиях подписания уставных грамот, добрые помещики оказались в более сложном положении, чем их жесткие собратья. «Происходило все это (как после объяснилось) от того, что крестьяне желали как можно скорее разделаться с «крутым баринном», освободиться от него и от обязательных отношений, который еще по многим статьям требовались в отношении помещика Положением 19 февраля до разграничения угодьями, или вернее до утверждения уставных грамот...»²⁶ Примером «неблагогородности» крестьян может служить история переговоров богатого курского помещика М.П. Щербинина со своими бывшими крепостными крестьянами о возможных условиях подписания уставных грамот. «И при крепостном праве крестьянам жилось у него хорошо; большею частью они были оброчные, а оброк с них взимался небольшой».²⁷ М.П. Щербинин предложил крестьянам условия для подписания уставных грамот намного более льготные, чем предусматривались Положением 19 февраля 1861 г. «...они (крестьяне – В.Ш., С.Ш.) тот час же высказали свои весьма неумеренные требования: например, отдать им лучшие помещичьи земли, которыми они даже никогда не пользовались; просили уступить им строевой лес, составлявший в той местности значительную ценность, объясняя свое желание тем, что они его сами сберегали во время отсутствия барина; просили так же оставить за ними торговую площадь в слободе Чернявке, дававшую помещику значительный доход от ярмарок и базаров, в противном же случае не соглашались принять и подписать уставную грамоту».²⁸ Другими словами, крестьяне требовали от своего бывшего благодетеля отдать им большую и лучшую часть своей собственности, размеры и структуру которой не попадала под Положения 19 февраля 1861 г. М.П. Щербинин, в конце концов, провел подписание уставных грамот согласно Положению и утвердил их мировым съездом.²⁹

Ожидание объявления воли и обнародование Манифеста об отмене крепостного права показали, что помещичье дворянство, в своей основе, хотя и было осведомлено об основных принципах реализации предстоящей реформы, но психологически не было готово к этому. Отдельные представители помещиков хотели утаить от крестьян сам факт обнародования Манифеста 19 февраля 1861 г. Данный документ стал рубежом, с которого весь уклад жизни помещичьих дворян должен был измениться в корне. Значительная часть из них была уверена, что крестьяне от реформы отмены крепостного права получили все, помещики – ничего.³⁰ Для подавляющей части крепостных крестьян с конца 1850-х гг. гото-

²³ Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2011. С. 168.

²⁴ П.Б. Крестьянский быт через два десятилетия после реформы // Русский вестник. 1880. Т. 149. С. 446-447.

²⁵ Решетов Н. Эпизоды при введении Положения 19 февраля 1861 года // Русский архив. 1885. № 10. С. 275.

²⁶ Там же. С. 274.

²⁷ Там же. С. 275.

²⁸ Там же. С. 276.

²⁹ Там же.

³⁰ П.Б. Чего не достает? // Русский архив. 1882. №2. С. 381.

вящаяся социальная эмансипация уже не была секретом, слухи о предстоящей воле буквально наэлектризовали крестьянскую массу. В этой же среде и зародились устойчивые представления о «настоящей воле», где личная свобода и земля в собственности были неразделимыми понятиями. Обнародование и толкование Манифеста 19 февраля 1861 г. в помещичьих имениях только усилило недоверие крестьян к своим помещикам. Основные положения Манифеста не как не соответствовали их представлениям, установкам о предстоящей воле. В их сознании помещик являлся истинным препятствием для получения «настоящей воли». Диалог в усадьбе проходил по психологическому принципу «свой-чужой». Даже бывшие «заслуги» доброго помещика уже не брались крестьянами в расчет. Они претендовали на значительную часть помещичьей собственности, исходя из положения «кто пот проливал на земле – того она и есть». Здесь нельзя сводить все только к словесному антагонизму. Крупный этнограф рубежа XIX-XX вв. О.П. Семенова-Тян-Шанская, в этой связи, отмечала: «...ни один «Иван» не может понять, что его ложь видят и только из жалости, не останавливаясь на ней, ему помогают. Всякий «Иван» напротив убежден, что он ловко надул богатого человека. Угрызения совести «Иван» по этому поводу, конечно, не чувствует, так как, по его рассуждению, богатые милосердием своим спасают свою душу... Помимо всего этого крестьяне, по большей части, насмешливо относятся к помещикам – дворянам, к их хозяйственным способностям; совсем в них не верят»³¹.

То есть, отбирая ложью или определенным психологическим давлением часть собственности у помещиков, крестьяне, тем самым, спасали помещичью душу. Греха здесь крестьянин никакого не видел. Тем более, помещик и хозяйствовать сам на земле не мог. Объявление манифеста 19 февраля 1861 г. еще более рельефно обнажило социально-психологическое противостояние поместных дворян и крестьян. По-сути, показывая, что это были два «антимира» в русской деревне.

«HELL WITH THIS PAPER! TWO YEARS – I`LL SEE YOU DAMNED FIRST, IF I OBEY!»: MANIFEST OF 19 FEBRUARY 1861 IN PERCEPTION OF THE LANDED GENTRY AND THE FORMER SERFS (SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT)

V.A. SHAPOVALOV¹
S.P. SHAPOVALOVA²

Belgorod National Research University

^{1) e-mail:} Shapovalov@bsu.edu.ru

^{2) e-mail:} Shapovalova_S@bsu.edu.ru

The article deals with feelings of the gentry and serfs on the eve of the 19 February 1861 Manifest declaration, peculiarities of the document`s perception by the landed gentry and the peasantry taking into account different opinions and approaches. Special attention is given to the socio-psychological aspect of this perception, causes of the gentry-peasants “we – others” dialogue.

Keywords: gentry, nobleman, Manifest of 1861, social psychology.

³¹ Шнейдер В.П. Памяти Ольги Петровны Семеновой. СПб., 1908. С. 15.